

Гвозди бы делать из этих людей

Все началось с фотографии, которая без малого 80 лет хранилась в архиве семьи Коваль. Ко мне это фото попало от правнучки ИКОРовца Абрама Ковалья Людмилы. На обратной стороне трогательная и о многом говорящая надпись: «На память нашим дальневосточным «родителям», чьей отеческой заботливостью и советами были воспитаны сознательные строители новой общественной структуры — социализма». И подписи: Ш. Герзон, С. К. Браверман. 6/04/36 г. Вглядываясь в эти молодые лица, читаю надпись и вдруг понимаю, что Герзон — это же фамилия одного из первых еврейских переселенцев из коммуны ИКОР-Соцгородок, чьи воспоминания лежат у меня на столе уже больше года. Он повествует про будни коммуны, про то, как вчерашние городские евреи становились землепашцами. Эти воспоминания были написаны для журнала «Советиш Геймланд» и опубликованы в ноябре 1979 г. Автора не стало в том же 1979-м. А перевела с языка идиш эти заметки его дочь Рита Герзон (Рознотовская).

ИКОР — аббревиатура названия американской организации помощи еврейскому землеустройству в СССР. С момента выделения евреям земель в Биро-Биджанском районе эта организация всемерно содействовала их обустройству. Деньги собирались по всей Америке, и помощь была огромная. А самое главное, приехали люди, горящие желанием освоить эти дикие земли и построить новое социалистическое общество. Только в течение 1932 года из-за рубежа прибыло 784 человека, 200 из них обосновались в коммуне. Это были в основном переселенцы из США, Аргентины, Литвы, Латвии, Палестины, Франции, Германии. Так появилась первая международная еврейская сельскохозяйственная коммуна, которая стала называться ИКОР-Соцгородок. В этом же 1932 году приехали Абрам Коваль из США, Илья Блехерман из Аргентины, Исроэль Пензур (Пинзур) из Белоруссии, Самуэль (Шмуэль) Герзон и Сара Браверман из Украины. Именно о них здесь пойдет речь.

Соцгородок расположился на возвышенности, которая своими склонами сбегает к реке. На ее берегах прошло все мое детство, при первой возможности мы исчезали из дома до самого вечера. Все и всегда знали, что глубокий участок протоки, куда мы уходили купаться, назывался Перекон. И только прочитав воспоминания Самуила Герзона, я устроила допрос отцу и узнала, откуда появилось это название. Вокруг Тунгуски и ее проток — пойменные луга. И самый большой разлив бывает, как правило, летом, когда совпадает время муссонных дождей и таяния снегов по горным рекам. Этой особенностью и воспользовались коммунар. Как раз в том месте, где у протоки высокие берега, решили обосновать заездку, перекопав реку и перегородив ее загородкой из тонких бревен, вбитых в дно. Вода в реке поднялась, затопив все кругом, с ней зашла и рыба кормиться в заросших кочками заливных лугах. Когда же вода стала падать, ловушка захлопнулась, рыба, скатываясь вслед за водой, уперлась в загородку. Участок воды перед преградой буквально кипел, более крупные рыбыны выпрыгивали из воды, пытаясь преодолеть заездку. Рыбаки поняли, что одним им не справиться. Остановили все сельскохозяйственные работы в коммуне, всех коммунаров, включая детей, задействовали в ловле и переработке рыбы. Об этом рассказал отец, об этом же эпизоде из жизни коммуны писал С. Герзон: «Коммунары обрабатывают пойманную рыбу, сортируют, солят, укладывают в бочки. Отходы — Абрамскому на свиноферму. Солнце безжалостно палит, все в поту, но работают без перерыва. Улов необходимо сразу переработать, иначе рыба испортится. В двух котлах варится уха. Аромат разносится далеко и возбуждает аппетит. Жена Споклеса Ципора Вербицкая знает свое дело. Порции такие большие, каких нет даже в лучших рестора-

«На память нашим дальневосточным «родителям», чьей отеческой заботливостью и советами были воспитаны сознательные строители новой общественной структуры — социализма». Подписи: Ш. Герзон, С. К. Браверман. 6/04/36 г.

ранах. Коммунары впервые досыта едят свежую вкусную уху».

Слава о рыболовецкой бригаде дошла до самой Москвы. В газете «Дер Эмес» был напечатан очерк о первой рыболовецкой бригаде.

В очередной раз воспользовавшись помощью Изи Блехермана, сына коммунара из ИКОРа Илья Блехермана, который, когда касается биро-биджанцев, заменяет мне поисковую систему Интернета, я уже через неделю разговариваю с Ритой Самуиловной Герзон (Рознотовской).

Обсуждаем вышеупомянутое фото. «У меня сердце замерло, я сразу узнала папин почерк. Это мои родители как раз в год моего рождения», — говорит Рита Самуиловна. И тут же смеется: «Когда я рассказываю, что родилась в кибуце на Дальнем Востоке, все думают, что я сошла с ума». Рита Самуиловна начинает свой рассказ о родителях, о семье. Очередной раз удивляя причудами судьбы, испытаниями, выпавшими ИКОРовцам, и их стойкостью. Вот уж воистину — «Гвозди бы делать из этих людей...»

На Дальний Восток молодые ком-

мунары прибыли из Винницкой области (Украина). Первой в 1931 г. приехала сестра Сары Браверман, за ней, после окончания еврейского медицинского техникума в родном городке Гайсин, и сама Сара. Самуил Герзон родился в еврейском местечке Самгородок в той же Винницкой области. Его жители зарабатывали в основном ремеслом, обслуживая близлежащие села. Как и во всей округе — случайные сезонные заработки, полунищие семьи, пережившие еврейские погромы. Отец, Шлойм, глубоко верующий, уважаемый в селе, инвалид Русско-японской войны, Георгиевский кавалер, участвовавший в битве при Порт-Артуре. Что он мог дать своим детям, кроме наставления учиться? Самуил проявлял немалые способности. Он уехал в Винницу учиться: сначала в ремесленном училище, а потом в электро-механическом техникуме. Все эти годы подрабатывал, помогая отстающим в учебе, и очень гордился, когда мог пособить семье. Кроме учебы занимался комсомольской работой, обучал грамоте еврейскую бедноту. В 1932-м по комсомольской путевке

он в компании таких же парней уехал на Дальний Восток. Добирались поездом целый месяц. Самуил получил направление в Соцгородок, здесь он повстречал Сару. Единственный медработник в поселке, она работала и фельдшером, и акушеркой, могла заменить врача, а при необходимости сама транспортировала больного на телеге. Хорошо хоть народ был в основном молодой и здоровый. Но случались и болезни, и травмы.

Самуил был и рыбаком, и пахарем, позже — председателем кооператива Волочаевского куста. Занимался заготовкой и вывозкой сельскохозяйственной продукции, что при отсутствии дорог было очень не просто. Да еще огромная материальная ответственность. Об этом он тоже рассказывал в своих воспоминаниях.

Там же появилась на свет их старшая дочь Рита, названная так в честь мамыной сестры. Судя по надписи на фотографии, молодую пару опекал опытный Абрам Коваль, заменивший им далеких родителей.

В 1937–1938 годах один за другим стали исчезать коммунары. Были арестованы председатель коммуны И. Форер, учитель И. В. Вайсер, рабочие мебельной фабрики Е.В. Давыдович, Макаров, И.Д. Пимштейн, Цанге, Цукерман, И.Б. Лагман, шофер Шлейзенгер, механик Сухой, стекольщик А. Шнур, И. Лерер, ветврач Треновский, американский журналист Сугальский, Солодовников, весельчак и любимец коммуны Эдлин. Самуил Герзон тогда уже работал в вечерней школе в поселке Николаевка, учился в учительском институте г.

Благовещенска. Он не стал искушать судьбу. В одну ночь собрал нехитрые пожитки и тайно увез семью к родным на Украину. Там устроился преподавателем математики на офицерских курсах в г. Казатин, Сара работала в районной больнице. В 1939-м у них родилась еще одна дочь — Клава.

И все было хорошо, но началась финская кампания, после которой Самуилу повезло вернуться живым и невредимым, а за ней и Великая Отечественная война. Все мужчины многочисленной семьи Герзон-Браверман ушли на фронт. Брат Авраам погиб через две недели после начала войны. Женщин и детей удалось отправить в эвакуацию. Сначала в Куйбышев, а затем — в шахтерский городок Пласт в Челябинской области. Самуил дважды был легко ранен и быстро возвращался в строй. Но в бою под Белым Бором, что возле Ленинграда, в конце 1942 года он получил тяжелое ранение. Танкист не просто был ранен, а еще и сильно обгорел, потерял зрение, чувствительность рук и был просто нашингован осколками, которые еще долгое время с нарывами выходили наружу. Беспомощного, на носилках, его привезли к матери. Возвращаться в таком виде к жене и быть обузой инвалид первой группы не хотел. Но тут уже Сара проявила характер. На следующий же день она перевезла мужа домой.

Понемногу Самуил восстанавливался, приспосабливался к новому своему состоянию. Жили они в избе с одной комнатой и насыпным земляным потолком. Сара уходила на работу, а для мужа она нашла занятие: развела кроликов, с которыми он возился, заполняя свой день. В 1944-м родился сын Павел.

Как только освободили Украину, семья двинулась домой. Добирались на товарняках. На одной из станций Сара, в поисках еды для детей, отстала от поезда. Слепой инвалид с тремя детьми, младшему из которых было полгода, и старой матерью остался без денег и документов. Рита Самуи-

ловна отчетливо помнит все мытарства той поездки, поиски родного дома в разрушенном городе и подбитые танки на его улицах. Детские впечатления живут в ней до сих пор. Тем более что она как старшая повсюду сопровождала отца. От дома остались одни стены и крыша. Но это не беда, главное, что Саре тоже удалось добраться живой и невредимой. Справились и с ремонтом. На территории бывшего еврейского гетто теперь разместили немцев, которые помогали восстанавливать город. По утрам в сопровождении дочери Самуил конвоировал несколько пленных немцев, выделенных инвалиду для ремонта дома, а вечером возвращался назад. В 1947 году появился на свет еще один сын — Сергей. А в 1949 году Самуил увозит жену и детей в Биробиджан.

Биробиджанская страница жизни оказалась более спокойной для семьи. Немного улучшилось здоровье главы семьи, его перевели на вторую группу инвалидности. Купили домик, развели хозяйство, огород. Дети подрастали, помогали родителям. Самуил, выучивший азбуку Брайля, преподавал в школе для слабовидящих при городской организации общества слепых, потом ему помогли устроиться в спецшколу при тюрьме. Так что даже пенсию заработал, не сидел на шее у государства. И занимался еще одним любимым делом — играл в народном биробиджанском театре. Самуил унаследовал от отца прекрасный голос. В семье хранились записи песен в его исполнении, сделанных для областного радио. Рита Самуиловна показывает мне сохранившиеся программки к театральным спектаклям, фотографии той поры. Рассказывает, что она нечасто бывала на спектаклях с участием отца. Очень волновалась за него, а он пел, танцевал, не признавая никаких ограничений. Самуил был заводилой в городской организации инвалидов. Заместитель председателя городского общества слепых, организатор кассы взаимопомощи для пенсионеров, он старался помочь нуждающимся. И много занимался со своими детьми, обучая их математике, игре в шашки...

В 1979 году Самуил ушел из жизни, оставив детям свои записи, в которых и история его жизни, и благодарность семье, и наказ детям и внукам. Подводя итог своей жизни, он написал: «Я не искал в жизни легких путей. Совесть моя перед людьми чиста».

Все четверо детей не подвели отца. Все получили высшее образование, один из сыновей — ученую степень. Все нашли достойное место в жизни. Сара дожила до 1990-го, в том же году Рита Самуиловна с семьей уехала в Израиль.

Израиль — страна, где случаются удивительные встречи. Однажды к Рите подошла молодая женщина со словами благодарности в адрес Самуила: «Его помощь изменила жизнь моей сестры». Слепая с рождения девочка обрела профессию, дом, семью. Рита отыскала для меня в семейном архиве записку, опубликованную в областной газете, с рассказом об этом случае. Самуил не только учил эту девочку, но сам ездил с ней в Хабаровск, добился для нее рабочего места и жилья.

Случайная встреча свела ее с земляком Изей Палатниковым (Илан Палат), молодость которого прошла в Биробиджане. И он прислал ей из Сан-Франциско свою книгу воспоминаний «Солдат из Биробиджана».

И еще Рита обнадеживает меня: «А вы знаете, что внуки коммунаров Мойше-Арн Пищица и Арона Литевского, о которых пишет папа в своих воспоминаниях, здесь, в Израиле? Их можно найти».

Елена Марундик,
Израиль.
Фото из архива автора